

11 СЕН 1982

Комсомольская правда
г. Москва

ДОБРОТА ТАЛАНТА

К 100-летию со дня рождения Б. С. Житкова

БОРИСА Степановича Житкова я впервые увидел в редакции журнала «Пионер» в начале 30-х годов.

Как-то я заметил, что в редакции происходит что-то необычное. Сотрудники теснились вдоль стен редакторского кабинета, а из угла в угол энергичными шагами ходил пожилой человек с темными волосами, свободно закинутыми назад. Кто-то сказал мне, что это Житков.

В те годы редакция журнала «Пионер» пригласила Бориса Житкова поучить нас. Слово его было закон, как слово капитана на корабле.

Нас познакомили. Кто-то шепнул Житкову, что в недавнем прошлом я штурман-китобой.

Борис Степанович сразу насторожился, откровенно осмотрел меня с головы до ног и стал подробно расспрашивать о китобойном деле. Я думал, что он и вправду не знает этого, а оказалось, что он просто проверял, не Хлестаков ли я. Сам он знал очень многое.

— А для «Пионера» что вы хотите сделать? — спросил он.

Я тогда многое хотел сделать. Выложил свои планы, думал, что он повесть закажет или хоть рассказ, но ничего не заказал. Записал только мой телефон и вернулся к прерванному разговору. Об авторах, о производственной базе, о бумаге, о подписчиках...

Через несколько дней он вспомнил и обо мне: заказал

очерк о том, как бьют китов.

Очерк я написал. Добросовестно изложил все, что знал об этом деле. Сам только что вернулся с китобойного промысла. Борис Степанович прочитал рукопись, расправил ее на столе и огорченно сказал:

— Вы сами видели, как китов бьют, или у Брема прочитали?

— Почему у Брема? — обиделся я. — Сам их бил.

— Сами, значит. Вам-то я верю, а вот рассказу вашему не верю. Вот вы пишете: «Кит скрылся под водой». Это как же? Как привидение, что ли? Вы-то видели, а читателю интересно. Найдите настоящее слово.

— Нырнул, — чуть подумав, сказал я.

Житков пожевал губами, будто на вкус пробовал слово.

— Ладно, — сказал он, — сойдет. Но, наверное, лучше можно сказать. Очень плохо вы написали. Невыразительно, многословно... Не возражаете: я сокращу раза в три? А вы идите к художнику и сидите с ним, чтобы точно все нарисовал.

— Если плохо, зачем же печатать? — обиделся я.

— А где нам взять человека, чтобы и китов бил, и писать умел? Вы пока писать не

умеете, но кое-как пишете. Если думаете этим дальше заниматься, придется про людей писать, а значит, учиться придется. Про китов и так сойдет, а про людей потруднее будет. Знаете, что читателя может взволновать? Живое горе, живая радость живого человека. А отсюда закон: напишете своего героя так, чтобы в него читатель, как в живого, поверил, — половина успеха обеспечена. Только не просто это. Вот попробуйте напишите рассказ. Что-нибудь из морской жизни. Вы это дело знаете. Вспомните человека какого-нибудь, о нем и напишите.

Через неделю я принес рассказ. Борис Степанович пробежал его дальнорезными глазами и спросил, согласен ли я посидеть с ним часок над рассказом. Мы сели тут же в редакции. Житков прочитал первую фразу вслух. Не помню теперь, какой была эта фраза. С тех пор прошло полвека. Зато хорошо помню, как больно мне было от каждого слова Житкова. Он так и этак читал слова, которые сам же я написал, а мне казалось, что он издевается надо мной. Я уже думал, что весь рассказ пойдет в корзину, но тут Борис Степанович дошел до фразы,

которую прочитал серьезно. Он улыбнулся одними глазами и сказал:

— А без этого уже не обойдешься. Только очень длинно у вас сказано. Покороче нужно.

Я подумал, как сказать покороче, и предложил: «Телеграмма пришла на рассвете».

Вот сейчас я достал с полки свою первую книжку. В ней есть рассказ «Счастливого старика». Он так и начинается.

Тогда я сдался внешне покорно. А в душе мне было очень жалко вычеркнутых слов. Сейчас я вижу: сохранил бы я слова — потерял бы рассказ. Там вместо характера была груда подробностей. Житков отсек лишнее, и получилось, как у скульптора: из глыбы мрамора стала вырисовываться фигура.

Конечно, не одному мне давал Борис Степанович такие уроки. Скоро в редакции «Пионера» стихийно создались что-то вроде постоянно действующего семинара. Послушать Житкова приходили Гайдар, Паустовский и многие другие. В редакции постоянно были люди, шли оживленные споры. Житкову

это, видимо, не мешало. Он сидел за столом, правил чью-нибудь рукопись, и казалось, ему нет дела до наших страстей. Но когда нас уж очень заносило в сторону, Борис Степанович вмешивался в разговор и порой одной репликой, а иногда и целой тирадой ставил все на свои места.

Наглядные, выразительные примеры, меткие определения, подсказки и советы так и сыпались из него. Очень помогли они мне. Когда я писал «Приключения капитана Врунгеля» и другие свои книги, я помнил уроки Житкова.

До обидного мало помнит Житкова наша история литературы! Может быть, потому, что чистой беллетристики он написал сравнительно немного. Некоторые его книги, включая и «Что я видел» — знаменитую «энциклопедию для самых маленьких», — сейчас весьма устарели. Но в свое время это были нужнейшие книги, неназойливо скрывающие миллионы маленьких читателей к материалистическому восприятию мира. А беллетристика? Такие рассказы, выдержавшие многомиллионные тиражи, как «Мангуста», не задумываясь, можно поставить рядом с лучшими миниатюрами классиков мировой литературы.

А. НЕКРАСОВ.